

С. И. Гессен
СОВРЕМЕННАЯ
ДЕМОКРАТИЯ¹

3

Дж. Ст. Милль был не первым, кто провозгласил постулат распространения гражданских свобод для всех и тем самым вышел за границы чисто негативной свободы. Его предшественниками были авторы французской конституции 1793 г., в особенности автор содержащейся в ней декларации прав — Ж. А. Н. де Кондорсе².

Декларация эта отличалась от своей предшественницы 1789 г. прежде всего тем, что впервые в законотворческий акт были включены права граждан совершенно иного характера, нежели права негативной свободы, а именно: право всех граждан на образование, на труд либо на пенсию для нетрудоспособных (ст. 21 и 22). Еще ранее в своем меморандуме «Об общественном просвещении», представленном Учредительному собра-

¹ Окончание. Начало см.: Гессен С. И. Современная демократия // Кантовский сборник. 2011. 3 (37). С. 93–97 и 2011. 4 (38). С. 99–105.

Примечания, сокращения, курсив и кавычки автора сохранены. Примечания, сделанные переводчиком, отмечены соответствующим образом. Перевод осуществлен по изданию: *Hessen S. Współczesna demokracja* // *Hessen S. Pisma pomniejsze*. Warszawa: Żak, 1997. S. 285–309. — *Примеч. пер.*

² Кондорсе был фактическим автором всего проекта конституции, так называемой «La Girondine». Этот проект впоследствии был изменен согласно указу Робеспьера в направлении ограничения выборности властей и децентрализации («чтобы народ, измученный избытком выборов, не разочаровался в демократии»), после чего был без дискуссии принят Конвентом. Конституция 1793 г. так и не была воплощена в жизнь. Ср. мою работу *Политические идеи жирондистов* // *Русская мысль*. 1910. X и отдельной брошюрой — М., 1917.

нию в 1792 г., Кондорсе выводил право каждого гражданина на образование из идей свободы и равенства, как они были сформулированы в Декларации 1789 г. Государство должно обеспечить всем «получение такого уровня образования, чтобы каждый мог самостоятельно и не подчиняясь слепо разуму другого пользоваться правами, предоставленными ему законом», «чтобы каждый мог развивать в полной мере способности, которыми наделен природой, и таким образом привести в действие ту свободу, которая предоставлена ему законом»³.

После отмены конституции 1793 г. вследствие поражения Робеспьера выдвинутые в ней право на образование и на труд были на долгое время преданы забвению. Ни реакционный (бурбонский), ни прогрессивный (бонапартистский) абсолютизм, ни либерализм, который лишился уже всех идеалистических фантазий и становился идеологией тем отчетливее классовой, чем более стремился опереться на строгие законы экономической науки, не могли беспокоиться об этих правах. Скорее, все представители так называемого периода Реставрации и классического либерализма тридцатых годов прошлого века видели в этих правах остатки рационалистической метафизики XVIII в.⁴ Английские либералы соглашались с французскими католиками в том, что школа должна быть выстроена силами самого общества, не государства, а значит, находится в руках Костела и добровольных конфессиональных образований, по возможности субсидируемых из средств государственной казны. Но и в протестантских государствах, которые раньше всего (уже в первой четверти XIX в.) ввели школьную обязанность, фактически оставляя народную школу под опекой церковных властей, данное принуждение было далеко от того, что Кондорсе понимал под правом каждого гражданина на образование. Оно накладывало на всех родителей, которые не посылали своих детей в лучшие элементарные школы, обязанность посылать их в элементарные народные школы, которые, ограничиваясь скудным минимумом обучения, не обеспечивали своим ученикам нормального перехода в школы, дающие настоящее образование, и поступления в высшие учебные заведения.

Только в конце XIX в. право на образование — в смысле максимального образования, которое каждый индивид может себе позволить в зависимости от своей способности и работоспособности, — становится вновь лозунгом демократического движения⁵.

³ В отличие от более поздних «классических» либералов, опирающихся на теорию утилитаризма (И. Бентам) и политической экономии (Рикардо), либералы эпохи Французской революции были более, чем либералами, они были демократами. Это прекрасно показал А. Мишель в своем труде *L'idée de l'état*. Их концепции (не только якобинцев, но и жирондистов) не только служили интересам буржуазии (а также крестьян), но имели одновременно надклассовую ценность, как это убедительно доказывает Ж. Жорес в своей *Истории революции* (особенно том 2).

⁴ С этой точки зрения такие различные мыслители, как клерикальный монархист Жозеф де Местр или немецкий романтик Шталь, основатель позитивизма О. Конт, вождь английских радикальных либералов И. Бентам были полностью единодушны, не переставая высмеивать идею прирожденных прав человека и гражданина.

⁵ Поэтому нет ничего удивительного в том, что в шестидесятых годах прошлого века К. Маркс мог еще высказать мнение, что либералистское государство, будучи выразителем интересов капиталистического класса, никогда не достигнет того, чтобы обеспечить всем детям даже минимального школьного образования. Ср. *Критика Готской программы и Приветственное обращение I Конгрессу Интернационала*.

Право на труд возродилось уже во время Второй Французской республики в 1848 г. Однако в этот раз оно было скорее лозунгом социалистов с Луи Бланки во главе⁶, нежели либеральных демократов. Заведомо неудачная попытка реализации этого права так называемой комиссией Люксембургского дворца надолго скомпрометировала идею предоставления государством работы своим гражданам. Эта идея до начала XX в. считалась социалистическим постулатом. Лишь в XX в. демократические партии (английские «неолибералы», французские «социалистические радикалы», демократические партии в России и Германии) перенимают ее, основывая на ней введение перед Первой мировой войной социальной защиты от безработицы. После этой войны «право на труд» появляется во многих новых демократических конституциях, также в польской конституции 1921 г. Практически оно означает защиту работников физического труда и некоторых категорий работников умственного труда от безработицы. Понимание этого права изменяется во время Второй мировой войны. «План Бевериджа» в Англии (1943), как и «план Уоллиса» в США подразумевают не только защиту от безработицы, но и обеспечение всех граждан действительной работой, отсылая, таким образом, к идее Луи Бланки, хоть и на совершенно ином основании, нежели у данного представителя государственного социализма. Беверидж, несмотря на то, что признает в значительной мере плановую экономику, остается членом либеральной партии. Уоллис же подчеркивает, что его план не требует ни плановой экономики, ни отказа от традиционной американской системы экономики («free enterprise»). Оба — демократы, не социалисты. Для обоих «право на труд» является постулатом демократии, не социализма⁷.

Еще ранее законодательством демократических государств были закреплены социальные пособия по болезни, в связи с несчастными случаями на производстве и по старости. В соответствующих законах о социальной защите соответствующие пособия ясно трактуются не как филантропия, но как право застрахованных, которые участвуют в пополнении социального фонда через уплату налогов. В начале XX в. предпринимается уже немало попыток теоретического обоснования права на социальную защиту философами и юристами демократического направления⁸.

Наиболее полный конкретный план реализации права на социальную защиту представляет собой уже упомянутый план Бевериджа. Он заключает в единую систему не только перечисленные виды социальных гарантий, но и пособия по воспитанию детей (начиная со второго ребенка)⁹.

⁶ Автором книги *Le droit du travail* (1848).

⁷ Так же, впрочем, как для Фр. Д. Рузвельта, во время президентуры которого в США был принят федеральный закон о защите от безработицы (1941). Ср.: *The White Paper on Employment Policy* (1944). — W. Beveridge. *Full Employment in a Free Society* (1945). — H. A. Wallace. *Sixty Million Jobs*. N. Y., 1945.

⁸ Ср. напр. L. Bourgeois. *Solidarisme* (1904). — П. Новгородцев, И. Покровский. *Право на достойное существование* (1910). Эти представители российского демократического феодализма обращались к идеям выдающегося российского философа Вл. Соловьева, высказанным в труде *Оправдание добра* (1896).

⁹ План Бевериджа, реализуемый сейчас всеми социалистическими правительствами, в 1943 г. рассматривался английскими партиями как вытекающий из самой сути демократического государства. Аналогичный план социального обеспечения (вместе с защитой от безработицы) был еще ранее реализован в Новой Зеландии. — Я умышленно не упомянул в тексте социалистических авторов, которые еще ранее выступа-

Описанные права индивида на образование, социальное обеспечение, труд являются прежде всего тем, что отличает современное демократическое государство от государства либералистского. С последней четверти прошлого века эти права все более проникают в законодательство, до образовательной и социальной политики органов самоуправления, наконец, до конституций современных государств. Правда, в большинстве демократических государств они реализуются в различной степени и практически нигде во всей своей полноте, возможно, потому, что полная реализация «идеального типа» демократического государства означает уже выход за его границы. Однако везде они признаются неотъемлемыми атрибутами демократического государства, даже современного правового государства вообще.

В отличие от негативной свободы либерализма перечисленные права на образование, труд, социальное обеспечение — это права позитивной свободы. Они требуют от государственной власти не только воздерживаться от вмешательства в жизнь индивидов и их объединений, но, напротив, оказать индивиду помощь, требуют от правительства позитивной деятельности в сфере образования, социальной и экономической жизни. В понимании теоретиков демократического государства они являются правами свободы, ибо, как мы сказали, распространяют гражданские свободы. При этом как принцип либералистской свободы, надстраиваясь над принципом свободы либерализма, придавал последней новый, более широкий смысл, так и эти права, претензии индивида к государству, которым соответствуют обязанности государства перед индивидом, не что иное, как углубленная и расширенная идея свободы и равенства. Ортодоксальный либерализм, как мы знаем, понимал свободу статично, как готовую субстанцию, а также формалистически, как одинаковую, раз и навсегда определенную частную сферу свободного действованиа. Также равенство он понимал как формальное уравнивание в правах по отношению к одинаковому закону, не учитывая ни реальных различий между абстрактно понимаемыми личностями, ни конкретной ситуации их жизни. Так, например, трудовой договор, заключенный между угольной шахтой и девятилетним ребенком, по которому он соглашается работать за мизерную плату в течение девяти часов в день, мог считаться представителями либерализма полностью соответствующим принципам негативной свободы равенства¹⁰.

Ведь ребенок-работник заключил договор добровольно, выбирая между тяжелым трудом и голодом, по принципу полного равенства перед законом, одинакового для него и его большого контрагента¹¹. Демократиче-

ли за «право на существование, достойное человеческой личности». Ср. историю этой идеи у А. Менгера. *Neue Staatslehre* (1904). Положение специального «министерства социального обеспечения» выдвигал уже Б. Малон в своем *Précis du socialisme* (1892) (с. 246 и далее). Несомненно, социалистическая критика капиталистического строя сыграла значительную роль в формировании программы демократических партий и самого «идеального типа» демократического государства. Ср. Samuel. *New Liberalism* (1908).

¹⁰ Не нужно даже обращаться к классическим описаниям эксплуатации детей в двадцатые-тридцатые годы прошлого века в разделах *Капитала* Маркса и в книге Энгельса *О положении рабочего класса в Англии*. Достаточно перечитать повесть Диккенса, хотя бы *Дэвида Копперфильда*.

¹¹ На примере маленького ребенка и «большого хозяина» (в итальянском издании — *il grosse padrone*) С. И. Гессен иллюстрирует ситуацию фактического правового неравенства, подчеркивая явную «несоразмерность» двух сторон, вступающих в правовое отношение. — *Примеч. пер.*

ский либерализм отбрасывает так формалистически понятое свободу и равенство, вырождающиеся во множестве подобных случаев в фикцию. Под «свободой» он понимает творческую силу в человеке, являющуюся потенцией, которая может расти или исчезать, а значит, выступает, скорее, динамическим процессом, нежели субстанцией. Под «равенством» же он имеет в виду равенство жизненного старта, или равенство шансов (*equal chances for everybody*), придавая тем самым и принципу равенства конкретное и динамическое значение. Как принцип равенства означает в таком понимании выравнивание жизненных шансов отдельных индивидов, так принцип свободы — освобождение каждого гражданина из-под гнета, который делает невозможным развитие и всякую актуализацию его личности.

На протяжении последних 50 лет неоднократно предпринимались попытки обоснования такого расширенного понятия позитивной свободы и равенства¹².

В российской юридической литературе эти права позитивной свободы пытались обосновать П. Новгородцев и И. Покровский, отчасти на этике Вл. Соловьёва, отчасти на философии права неокантианцев¹³, на собственной психологической теории — великий польский правовед Л. Петражицки¹⁴. Интересную, хоть и чисто формалистическую дедукцию позитивной свободы из негативной произвел немецкий правовед Г. Еллинек¹⁵. Негативная свобода уже предполагает минимум позитивной свободы, а именно право на правосудие, которому соответствует обязанность государственной власти обеспечить потерпевшему индивиду, в его сфере свободы, восстановление в правах и возмещение понесенного ущерба. Это право как бы открывает путь для всех последующих прав позитивной свободы, так же, как личная неприкосновенность, заключенная в принципе свободы в понимании Монтескье, повлекла за собой ряд дальнейших гражданских свобод. При этом так же, как набор этих свобод был обусловлен исторически, так и выдвижение прав позитивной свободы зависело от наиболее сильно ощущаемого вида угнетения. Так, на заре американской демократии, когда безработица не являлась стихийной социальной проблемой, мало кто в Соединенных Штатах думал о постулировании права на труд.

¹² Принцип равенства как выравнивания означает нечто большее, чем только независимость образования, а значит жизненного продвижения, от богатства. Собственно, в праве на образование, вытекающем из этого принципа равенства и пониманием как право на максимум образования, на которое способен индивид, «выравнивание» означает независимость образования не только от бедности, но и от других видов обездоленности. Из выравнивания вытекает психологическая дифференциация, дающая каждому индивиду возможность максимального развития и проявления себя с наилучшей стороны.

¹³ В данном контексте С.И. Гессен объединяет взгляды профессора Московского университета П.И. Новгородцева и профессора Санкт-Петербургского университета И.А. Покровского, которые в начале прошлого века вели диалог на страницах еженедельника «Полярная Звезда» (1905—1906, с апреля 1906 года — «Свобода и Культура») о праве человека на достойное существование. Очерки не были написаны в соавторстве, но были изданы «двойной» брошюрой «О праве на существование (социально-философские этюды)» (СПб. ; М., 1911). — *Примеч. пер.*

¹⁴ Ср. цитированную книгу *Право на достойное существование*. Петражицки поднял этот вопрос в книге *Теория права и государства*.

¹⁵ В книге *Das System der subjektiven öffentlichen Rechte* (с. 189).

Именно так обосновывают права позитивной свободы английские и американские теоретики демократического государства. Согласно Вудро Вильсону, «новая свобода», основанная на том, что государство приходит на помощь тем людям, которые, являясь жертвой стихийных процессов, терпят лишения «незаслуженно», а также вторгается с этой целью в те отношения между людьми, которые до этого времени считались принадлежащими к частной сфере деятельности, — это только видимое нарушение старой негативной свободы, в сущности, это углубление одного и того же принципа свободы либо даже его возвращение. Гражданские свободы были сформулированы в совершенно иных экономических и социальных условиях. Изменение этих условий вызвало деформацию, часто явное нарушение сфер свободы. Так, например, нельзя говорить о «неприкосновенности жилища», когда речь идет не о семейном домике, а об огромном небоскребе, через который ежедневно проходят тысячи людей. Вторжение санитарного и технического надзора, а в случае необходимости — полиции не является, разумеется, ни нарушением свободы жилища, ни свободы собственности, но наоборот — возвращением надлежащей свободы. Также запрет трестов, несмотря на то, что это вторжение в свободу собственности и договора, означает, в действительности, по Вильсону, возвращение конкуренции, а значит, надлежащей экономической свободы. «Новая свобода», таким образом, не есть отрицание старой свободы, но возвращение свободы, которая была искажена в новых экономических условиях¹⁶.

Аналогичным образом представитель английского неолитерализма Т. Гоббс выводит права позитивной свободы из негативной свободы классического либерализма¹⁷.

Чтобы в измененных социально-экономических условиях обеспечить среднему индивиду тот же уровень свободы, который должны были гарантировать ему демократии прав конца XVIII в., следует по-новому сформулировать эти вопросы. Следует, например, ввести свободу коллективных договоров в отношениях между предпринимателями и работниками, а также прежде всего позитивные права — требования индивида к государственной власти, которая обязана защищать граждан от эксплуатации со стороны частных монополистов, равно как и от потрясений, вызванных стихийными экономическими процессами.

В основании классического либерализма лежало глубокое убеждение в том, что каждый индивид стремится к максимальной сплоченности и благосостоянию всего общества. Трактую общество по образцу механики Ньютона, классический либерализм понимал его единство как единство рынка, которое основано на связях скорее негативного (конкуренция), нежели позитивного (сотрудничество) характера. Он принимал кантовское определение права как «ограничения сфер свободы, окружающих отдельных индивидов». Государство, функция которого сводилась к охране безопасности и права в таком негативном понимании, также соединяет абстрактно понятых индивидов чисто внешним и механическим образом. Против такого понимания социальной связи теоретики демократического государства

¹⁶ W. Wilson. *New Freedom* (1913).

¹⁷ В своей замечательной книге *New Liberalism* (1908).

выдвигали принцип солидарности как положительной взаимозависимости индивидов и их взаимодействия. Именно принцип солидарности, присоединяясь к принципам свободы и равенства, преобразует их в описанном выше смысле: свободу — в освобождение индивида из-под гнета, равенство — в выравнивание жизненных шансов. Права на социальное обеспечение, на труд, на образование, да и, впрочем, уже право на правосудие, являются не чем иным, как проявлением принципа солидарности.

Ссылаясь на социологическую теорию Дюркгейма о растущей взаимозависимости и органичной, основанной на разделении труда солидарности, французские теоретики демократического государства выдвинули так называемую теорию «общественного долга», хоть и являющуюся, подобно теории общественного договора, фикцией, однако позволяющую лучше выразить сущность современной демократии¹⁸. Индивид, которому сопутствует успех в жизни, обязан им не только своим способностям и собственным усилиям, но и социальному окружению. Часто новая инфраструктура выступает даже единственным источником дохода индивида (в случае, например, резкого повышения земельной ренты в застраиваемом городе). Иной раз тот же стихийный процесс, который приводит одних к банкротству и безработице, другим приносит успех. О таких индивидах можно было бы сказать, что они как бы берут в долг у окружения, которому обязаны своей удачей. С другой стороны, общество как бы в долгу у тех, кто не по своей вине терпит неудачу. Долг, который первые берут у общества и который взимается в виде пропорционального подоходного налога, идет на выплату обществом своего долга другим людям — в виде реализации прав позитивной свободы (прав на образование, на социальную защиту, на труд). В соответствии с этим в законодательстве демократических государств вводятся понятия «незаслуженной бедности» и «незаработанного дохода»¹⁹. В отличие от модели либералистского государства — акционерного общества, наиболее экономным и скромным образом исполняющего роль ночного сторожа, моделью демократического государства является, скорее, товарищество взаимного обеспечения, разделяющее самые разнообразные жизненные риски между своими членами²⁰.

Таким образом, мы переходим к следующему пункту, который отличает демократическое государство от государства либералистского. Реализация принципа солидарности, а также принципов свободы и равенства в

¹⁸ Ср. особенно L. Bourgeois. *Le solidarisme*.

¹⁹ Если я не ошибаюсь, эти понятия были впервые введены в законодательстве демократических государств в так называемом «народном бюджете» (people's budget) Ллойда Джорджа в 1910 г. (1909 г. — дата исправлена в версии текста: *Hessen S. Democrazia moderna*. Roma: AVIO, 1957. — *Примеч. пер.*). Революционный характер этого бюджета заключался в переносе всей тяжести налогообложения на подоходный налог, внушительный налог с «незаработанного дохода», например больших наследств либо в результате повышения цены на земельные участки, особенно незастроенные, в городах и поселениях, а также в первых попытках защитить работников от «незаслуженной безработицы».

²⁰ Ср.: И. Покровский. *Основные проблемы гражданского права*. Пг., 1916, последняя часть. Исток этой концепции находим в ст. 23 Декларации прав 1793 г.: «La garantie sociale consiste dans l'action de tous pour assurer à chacun la jouissance et la conservation de ses droits».

более широком позитивном смысле (освобождения и выравнивания), которые та им придает, требует значительного расширения функций публичной власти — как местной, так и центральной. К судопроизводству и безопасности, как основным функциям идеального либералистского государства, в демократическом государстве присоединяются функции просвещения, здравоохранения, социальной защиты, экономики в ее основных отраслях: сельского хозяйства, промышленности и торговли и т.п. Современное демократическое государство считает, что оно вправе либо даже обязательно вмешиваться практически во все сферы жизни. Кажется, устав от бездействия в период либерализма, оно стремится наверстать упущенное лихорадочной деятельностью во всех сферах жизни.

Не перечеркивается ли тем самым «нововременная свобода» в том виде, как ее определял Б. Констан, свобода от вмешательства государства в частную жизнь индивида? Несомненно, совмещение такой всесторонней деятельности государства с гражданскими свободами вызывает трудности, делает более сложным и тонким искусство управления. Например, обязанностью власти является организация образования, что требует определения объема и программ обучения. Чем выше ступень обязательного образования, тем больше возникает спорных вопросов в отношении содержания образовательных дисциплин. Появляется опасность навязывания руководством определенных теорий учителям и учащимся, а также запрета иных взглядов. Как же согласовать реализацию права индивида на образование со свободой вероисповедания, а значит, со свободой убеждений — религиозных, политических, научных? Решить такую задачу непросто, однако, как показывает практика, во многих странах это было успешно сделано. В разных демократических государствах способы решения этого вопроса были различными. Во Франции воспользовались методом нейтральности государственной школы при полном уравнивании в правах школы частной, правда, не получавшей дотаций от государства, но и не подлежащей контролю со стороны школьной инспекции. В Голландии и Бельгии была введена система «конфессиональной автономии», в которой любая конфессиональная группа может наряду со светскими школами в муниципалитетах открывать собственные учебные заведения всех ступеней (даже высшие), получая от провинции и государства финансирование по той же ставке, что и школы муниципальные, и потому подвергаясь государственному инспектированию, которое, однако, ограничивается требованием определенного качественного уровня обучения и не вмешивается в ее идеологическую направленность. Несколько иначе выглядит английская практика, основанная на уравнивании в правах муниципальных и «добровольных» (организованных конфессиональными обществами) школ и на широкой толерантности, преобладающей в последнее время в далеко идущее взаимодействие различных христианских конфессий. В задачи моего исследования не входит оценка данных систем²¹. Каждая из них имеет свои преимущества и недостатки. Но о каждой можно сказать, что она обеспечивает гражданам свободу вероисповедания, во всяком случае, не меньшую, чем была гарантирована в государстве либералистском.

²¹ Частично я сделал это в своих книгах *Школа и демократия на переломе* и *О противоречиях и единстве воспитания*.

То же можно утверждать о неизмеримо расширяющемся в демократическом государстве вмешательстве его в экономическую жизнь. Несомненно, на протяжении полувека преобразований большинства европейских стран в демократические государства принцип экономической свободы претерпел значительные ограничения. Причины этого заключались не столько во вмешательстве государства, сколько в стихийных процессах внутри капиталистической экономики, процессах, которые верно предвидел К. Маркс²².

Перевод с пол. Н. В. Данилкиной

О переводчике

Данилкина Наталья Валерьевна — канд. филос. наук, научный сотрудник Социально-гуманитарного парка Балтийского федерального университета им. И. Канта, natalia.danilkina@gmail.com

About translator

Dr Natalia Danilkina, Research Fellow, Social Sciences and Humanities Park, Immanuel Kant Baltic Federal University, natalia.danilkina@gmail.com

²² См. Капитал, т. 1.